

нимъ (I, стр. 478—479). Такой взглядъ на религію и церковь древній Римъ завѣщаль западнымъ народамъ, явившимся на смѣну его и усвоившимъ начало римскаго государственнаго права (I, стр. 480). „Поэтому главная задача западнаго міра, главное его требованіе, выразившееся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, было построеніе церкви въ государственную форму“ (I, стр. 481). Отсюда особое значеніе на западѣ соборовъ, явившихся не столько выраженіемъ мнѣнія церкви, сколько явленіемъ государственнаго права, не подлежащимъ никакому суду (I, стр. 481); отсюда же объясняется особое положеніе римскаго патріарха, постепенно воплотившаго въ себѣ полноту власти церкви и ставшаго выше соборовъ. Само протестантство, явившееся отпоромъ крайностямъ католицизма, подчинялось воздѣйствію наиболѣе важной изъ этихъ крайностей—раціонализму католицизма. „Его формы, его строго логическій ходъ были торжествомъ раціонализма, который выступалъ впередъ явно и сознательно изъ римскаго ученія, въ которомъ онъ заключался безсознательно и тайно. Его подвигъ сдѣлался яснѣе, послѣдовательнѣе и строже. Скоро были разорваны пеленки, въ которыхъ скрывалось его достоинство, и фейербахи нашего времени начали свою разрушительную работу въ лицѣ Цвингліевъ и Карлштатовъ XVI в.“ (I, стр. 492). „Лютеръ, или, лучше сказать, реформа разрушила внутреннее спокойствіе духа въ Германіи, подкопавъ не только вѣру, основанную на односторонности авторитета, но самое чувство вѣры, брошенной произволу частной критики“ (I, стр. 494). Напрасно Германія искала опоры для своего духовнаго мира въ философіи своихъ великихъ мыслителей, въ Кантѣ и Гегелѣ. „Кантъ былъ прямымъ и необходимымъ продолжателемъ Лютера“, какъ Гегель въ свою очередь былъ завершителемъ школы Канта.

Общій выводъ Хомякова о западѣ и его образованности крайне безутѣшенъ. Западъ утратилъ „начала духовныя“ и въ особенности вѣру, безъ которой человѣкъ жить не можетъ.

Журналы.

(I, стр. 499—500). Явленіе это тѣмъ болѣе печально, что Западъ не понимаетъ и не чувствуетъ своего положенія. Нашъ авторъ послѣ краткаго резюме только подтверждаетъ мысль Хомякова о безотрадномъ положеніи западно-европейскаго общества, неспособнаго болѣе къ возрожденію. Глава эта оканчивается указаніемъ на отношеніе Хомякова къ разнымъ народностямъ Запада не только на основаніи „Семирамиды“, но и на основаніи другихъ сочиненій Хомякова, напр. его письма объ Англіи.

Глава четвертая имѣетъ своимъ предметомъ уясненіе особенностей воплощенія христіанства въ исторіи Византіи и славянъ.

Направленіе и полнота эллинской мысли и равенство просвѣщенія въ разныхъ областяхъ имперіи, іерархическое равенство патріарховъ спасли Византію отъ односторонности въ усвоеніи христіанства и мѣстнаго сосредоточенія его, какъ это случилось на Западѣ. Отсюда произошло изумительное богатство на Востокѣ церковной словесности, глубина мысли, сила и роскошь краснорѣчія, „стремленіе къ опредѣленности понятій, соединенное съ всесторонностію, исключаяющею преобладаніе сухой разсудочности“ (I, стр. 562). „Но и Византія не суждено было осуществить понятіе о христіанскомъ государствѣ... указать своимъ примѣромъ новый и высшій путь человѣчеству“ (I, стр. 563—564). Произошло это отъ того, что византіецъ былъ эллинъ по просвѣщенію и римлянинъ по гражданству. Здѣсь было тоже господство римскаго права, „понятіе о государствѣ оставалось въ тѣхъ упорныхъ формахъ, которыя были даны Римомъ“ (I, стр. 564—565), „и христіанство почти не проникало въ каменный капитолій юристовъ: тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества“ (I, стр. 565). Поэтому „христіанство не могло разорвать сплошной стѣны злыхъ и противухристіанскихъ началъ. Оно удалилось въ душу человѣка, оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь

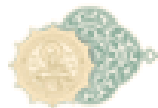

общественную и произносил только приговоръ противъ явныхъ слѣдовъ язычества; ибо самые великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ понятіи Рима, не могли еще уразумѣть ни всей лжи римскаго общественнаго права, ни безконечно трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ. Ихъ благотѣльная сила разбивалась о правильную и слитную кладку римскаго званія“ (I, стр. 566—567). Но если Византіи „не было суждено представить исторіи и лиру образецъ христіанскаго общества“, то „ей было дано великое дѣло уяснить вполне христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человѣчества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Сама имперія пала все ниже и ниже... но въ душѣ лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей, въ ученіи школъ духовныхъ и особенно въ святилищѣ пустынь и монастырей, хранились до конца чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала“ (I, стр. 568—569). Одно и другое и было передано по наслѣдству славянству и особенно святой Руси.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, проф. Завитневичъ знакомить съ древнѣйшей баснословной исторіей, какъ представляетъ ее себѣ Хомяковъ, съ границами начального распространенія славянства въ Европѣ, доходившими до береговъ Атлантическаго океана на западѣ и Средиземнаго моря на югѣ. У славянъ была „письменность, которой древность, вѣроятно, равняется самымъ древнимъ“ (I, стр. 579); славяне были „древніе просвѣтители Европы... брахманы Запада, но брахманы не мудрствовавшіе, а бытовые, не сплотившіеся нигдѣ въ жреческую касту... хранившіе въ формѣ мелкихъ общинъ или большихъ семей преданія и обычаи человѣческіе, принесенные ими изъ своей Иранской колыбели“ (I, стр. 579). Какъ народъ земледѣльческій, славяне ближе къ общечеловѣческимъ началамъ, чужды аристократическаго презрѣнія къ другимъ людямъ, и въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются отъ германцевъ. Этотъ этнографическій типъ славянина служилъ прекрасной почвой для

принятія христіанства, когда славяне столкнулись съ Византіею на Балканскомъ полуостровѣ: „Изъ стѣнъ Византіи, изъ горныхъ монастырей, изъ малыхъ семей славянскихъ, уже принявшихъ христіанство, выступали кроткіе завоеватели, вооруженные благовѣствованіемъ вѣры. Съ радостною покорностію были они приняты въ вольныхъ общинахъ славянскаго міра. Изъ дома въ домъ, изъ области въ область, на востокъ и западъ и дальній сѣверъ шла проповѣдь Евангелія, торжествующая въ духѣ любви и говорящая словомъ народнымъ. Болгары и хорваты, чехи, моравцы и ляхи вступили въ одно церковное братство. Безпредѣльная, новорожденная Русь, связанная еще только условнымъ союзомъ единоначалія въ дружинѣ, получила въ единствѣ вѣры сѣмя жизненнаго единства, выраженнаго именемъ Руси Святой“ (I, стр. 588—589). „Свѣжая земля, не закованная въ формы уже опредѣлившагося общества политическаго, не испорченная завоеваніемъ, быть можетъ, по основамъ своей народной жизни и по сравнительной мягкости правовъ“ .. Русь „едва озарялась лучемъ истиннаго ученія, какъ уже стала безконечно выше Византіи“ (I, стр. 594). Провсѣмъ томъ Хомяковъ не согласенъ съ И. В. Кирѣевскимъ, когда послѣдній говорилъ, что „христіанское ученіе выразилось въ чистотѣ и полнотѣ во всемъ объемѣ общественнаго и частнаго быта древнерусскаго“. Хомяковъ возражалъ: „Нѣтъ, велико это слово, и какъ ни дорога мнѣ родная Русь въ ея славѣ современной и прошедшей, сказать его объ ней я не могу и не смѣю. Не было ни одного народа, ни одной земли, ни одного государства въ мірѣ, которому такую похвалу можно бы было приписать хотя приблизительно; и конечно, она уже слишкомъ непопулярна для земли, которой князья не только безпрестанно губили ее своими межлоусобіями, но еще безъ стыда и совѣсти опустошали ее мечемъ, огнемъ и разбоемъ союзниковъ, магометанъ и язычниковъ“ (I, стр. 597—598). Этому осуществленію полноты христіанскаго начала въ жизни мѣшала раздвоенность земли, происходившая изъ раз-

ности ея племенного состава, изъ разности стремленій общерусской дружины и духовенства съ одной стороны и областной земщины съ другой (I, стр. 607). При этомъ Хомяковъ указываетъ на важныя заслуги Москвы, какъ объединительницы Руси, хотя замѣчаетъ, что выполненіе этой исторической задачи сопровождалось великой борьбой и кровью (I, стр. 613). Но это начало было бы не достаточно, если бы на помощь ему не явилась высшая объединительная сила—христіанство съ его ближайшимъ воплощеніемъ—церковью. „Другія земли новѣйшей Европы въ своей цѣлости созданы вещественною силою завоеванія и завоевательныхъ племенъ, принявшихъ впослѣдствіи христіанскую вѣру. *Наша старая Русь создана самими христіанствомъ*“ (I, стр. 616—617). „Св. митрополитъ Алексѣй и основатель Троицкой лавры св. Сергій, великіе подвижники міра духовнаго, болѣе содѣйствовали единенію Русской земли, чѣмъ вся хитрая политика Симеоновъ, Димитріевъ и Іоанновъ“. „Церковь создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегова дѣла. Церковь возстановила это единство, нарушенное междоусобіями“. (I, стр. 622). Причина такого сильнаго воздѣйствія церкви заключалась въ томъ истинно христіанскомъ отношеніи, въ какомъ она находилась на Руси къ государству. Для опредѣленія этого отношенія Хомяковъ пользуется формулой Кирѣевскаго: „Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, церковь православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею или пріобрѣтать себѣ власть правительственную“. Съ своей стороны Хомяковъ прибавляетъ: „не только никогда не искала она насильственнаго управленія надъ людьми, но и не могла его искать, ибо для такого управленія она должна бы отдѣлиться отъ людей, т. е. отъ своихъ членовъ, отъ самой себя. Такое отдѣленіе церкви отъ человечества возможно и понятно при юридическомъ раціонализмѣ западныхъ опредѣленій и совершенно не возможно при живой цѣлости православія“ (I, стр. 623).

На вопросъ о томъ, въ какой полнотѣ при руководствѣ церкви усвоенъ былъ древней Русью христіанскій законъ, Хомяковъ отвѣчаетъ: „Онъ исполнѣнъ признанъ древнею Русью; но по недостатку истиннаго просвѣщенія, по темному понятію о вѣрѣ, которое оставалось въ значительной части народа, принявшей болѣе ея обрядъ, чѣмъ полноту ея духа,—внутренняя бѣсѣда въ душѣ челоуѣка и озареніе области гражданской свѣтомъ области духовной было не возможно. Безъ сомнѣнія благодѣтельная жизнь христіанскаго начала не переставала дѣйствовать и выражаться въ явленіяхъ высокихъ и утѣшительныхъ; но обобщеніе такихъ явленій, какъ сознннаго закопа, было не возможно: для этого въ обществѣ не доставало христіанскаго просвѣщенія“ (I, стр. 627—628).

На вопросъ о томъ, почему христіанское просвѣщеніе не достигло въ древней Россіи надлежащей высоты, Хомяковъ отвѣчалъ указаніемъ четырехъ причинъ: 1) внутренней общественной разъединенности, происходившей отъ сопоставленія и противопоставленія дружины и земщины; 2) противорѣчія между естественнымъ стремленіемъ къ мѣстному объединенію и высшимъ стремленіемъ къ общему единенію; 3) недовольно глубокаго проникновенія православной вѣры въ нашу старую Русь и наконецъ 4) того, что „въ древней Руси разуму не доставало сознанія“ (I, стр. 633—634). Дѣйствіе указанныхъ причинъ выясняется взглядомъ Хомякова на условія успѣха просвѣщенія: онъ возможенъ только при наличности единства и согласія въ жизни и дѣятельности всѣхъ государственныхъ и общественныхъ силъ.

Такъ какъ взглядъ Хомякова на нашу древнюю Русь имѣетъ исключительное значеніе, то проф. Завитневичъ въ заключеніе главы старается опредѣлить мѣсто трудовъ Хомякова въ общей разработкѣ нашей допетровской исторіи. Выводъ его таковъ: „Хомяковъ въ методологическомъ отношеніи, въ области теоретической былъ у насъ однимъ изъ завершителей того круга идей, которыя поставили русскую исторіографію на совре-

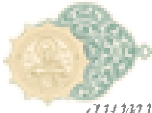

менную намъ высоту“ (I, стр. 655—656). Что касается до самыхъ работъ по русской исторіи, то онѣ выразились лишь въ нѣсколькихъ трактатахъ, важныхъ для пониманія основныхъ воззрѣній Хомякова на древнюю Русь. Съ этими воззрѣніями проф. Завитневичъ въ общемъ согласенъ; согласенъ онъ съ тѣмъ, что вѣра православная была и остается основою въ исторической жизни русскаго народа, приводитъ доказательство изъ послѣдующей русской исторіи, даже личныя наблюденія надъ русскимъ народомъ и только старается ограничить мысль Хомякова указаніемъ на то, что кромѣ православія были и другія причины, вліявшія на опредѣленіе исторической судьбы русскаго народа,—чего впрочемъ не отрицалъ и Хомяковъ.

Глава пятая начинается рѣшеніемъ важнаго вопроса объ отношеніи народной стихіи къ стихіямъ иноземнымъ. Въ начальномъ періодѣ русской исторіи, по взгляду Хомякова, *„стихія народная не праждовала съ общечеловѣческимъ даже тогда, когда общечеловѣческое приходило къ намъ съ клеймомъ иноземнымъ“* (I, 720). За это говорить изученіе иностранныхъ языковъ въ древней Руси, приглашеніе иностранныхъ художниковъ, вліяніе западнаго искусства на новгородскую иконопись, принятіе многихъ западныхъ сказокъ и проч. Отношеніе существенно мѣняется, какъ кажется Хомякову, со времени Флорентійской уніи, но особенно послѣ 1612 года, ознаменованнаго борьбою не только государственною, но и духовною. Но не исчезаетъ и стремленіе къ сближенію съ Западною Европою, которое проходитъ черезъ весь XVII в. вплоть до Петра. По мнѣнію Хомякова, Петръ былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ умовъ и едва ли не сильнѣйшая воля, какія представляетъ намъ лѣтопись“. „По какому-то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ бѣдѣни отечества, постигнувъ все прекрасное и святое значеніе слова *государства*, онъ ударилъ по Россіи, какъ странная, но благодѣтельная гроза (I, стр. 722). Средства, употребленныя имъ, были грубыя, но не слѣдуетъ забывать, что онъ бо-

ролся „съ цѣлою, нѣсколько *закоснѣвшею* жизнію, и онъ боролся съ нею во всѣхъ направленіяхъ. Онъ вводитъ всѣ формы Запада, всѣ, даже самыя неразумныя... *по ему это было необходимо. Онъ хотѣлъ потрясти выкованъ сонъ, онъ хотѣлъ пробудить сияющую русскую мысль посредствомъ болезненнаго потрясенія*“ (I, 722—723). Поэтому Хомяковъ думаетъ, что по суду послѣдующей исторіи „*направленіе, котораго онъ (Петръ) былъ представителемъ, не было совершенно неправымъ: оно сдѣлалось неправымъ въ своемъ торжествѣ, а это торжество было полно и совершенно*“ (I, стр. 723). Усвоенныя сознательно однимъ человѣкомъ (Петромъ), формы европейской жизни усвоились въ большинствѣ случаевъ безсознательно, а потому не принесли съ собою истиннаго просвѣщенія. Такое просвѣщеніе бываетъ обычно плодомъ на-зрѣвшихъ и сознанныхъ потребностей жизни. У насъ сознаніе это было слабо. Отсюда—подражательность въ наукѣ, въ литературѣ и формахъ общежитія: отсюда безплодность нашего новаго послѣпетровскаго просвѣщенія: „въ этомъ мы можемъ и должны сознаться съ смиреннымъ убѣжденіемъ. Весь этотъ блескъ ума едва ли выдумалъ порядочную мышеловку“ (I, 732). Это потому, что ни въ связи съ жизнію, по мнѣнію Хомякова, не можетъ быть ни науки, ни творчества, какъ объ этомъ свидѣтельствуется всемірная исторія. „До сихъ поръ, сколько ни было въ мірѣ замѣчательныхъ художественныхъ явленій, всѣ они носили явный отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ которыхъ возникли: всѣ они были полны тою жизнію, которая дала имъ начало и содержание“ (I, стр. 739). „Высшее художественное явленіе греческой и, можетъ быть, всемірной словесности-творенія, носящія имя Гомера, были цѣсно народною“ и проч. (I, стр. 740). „Художникъ не творитъ собственно своею силою: духовная сила народа творитъ въ художникѣ. Поэтому очевидно, что всякое художество должно быть и не можетъ не быть народнымъ“ (I, стр. 741). Проф. Завитневичъ искусно развиваетъ мысль Хомякова въ его борьбѣ съ сторонниками

интинаціоналізма, какъ онъ выражается, и доказываетъ, что, по взгляду Хомякова, истинное просвѣщеніе и успѣхъ науки русской внѣ общенія съ народностью русскою не возможны. „Разумное развитіе отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми особенностями, которыми отличила его природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія“ (I, стр. 757). Поэтому изъ русскихъ писателей и художниковъ проявили высоту своего творчества лишь тѣ, которые слились съ народною жизнію. Таковы Пушкинъ и особенно Гоголь въ поэзіи, Глинка—въ музыкѣ, Ивановъ въ живописи.

Конецъ главы занятъ разъясненіемъ отношенія Хомякова къ славянству, при чемъ съ нарочитою подробностію разобрано дѣйствительно замѣчательное посланіе его къ сербамъ.

Книга вторая перваго тома посвящена „трудамъ Хомякова въ области богословія“ и состоитъ изъ четырехъ главъ: VI, VII, VIII и IX. Но глава шестая еще не касается богословскихъ трудовъ Хомякова, а представляетъ „общій анализъ и оцѣнку историческаго міровоззрѣнія“ его, обстоятельно изложеннаго въ послѣднихъ трехъ главахъ (III—V) первой книги перваго тома. Новаго въ освѣщеніе работъ Хомякова по исторіи глава эта ничего не привноситъ, а потому мы и не останавливаемся на ея изложеніи.

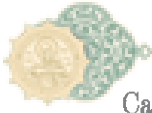
Приступая къ разбору и освѣщенію содержанія богословскихъ трудовъ Хомякова, проф. Завитневичъ замѣчаетъ: „Хомяковъ не былъ профессиональнымъ богословомъ, т. е. онъ не готовился ни къ заглавію богословской кафедры, ни къ спеціальной разработкѣ богословской науки: богословіемъ занимался онъ потому, что этого требовало его вѣрующее сердце и пылливый умъ“ (II, 966). Намъ думается, что къ указаннымъ причинамъ нужно прибавить еще одну: направленіе мысли того времени, мучительно искавшей разрѣшенія основныхъ

вопросовъ вѣры и нравственности христіанской, какъ объ этомъ говорить свидѣтельства современниковъ.

Проф. Завитневичъ знакомить насъ съ обстоятельствами жизни Хомякова, обуславливавшими направленіе его религіозной мысли, и съ кружковыми собраніями, вліявшими на опредѣленіе и выработку его богословскихъ воззрѣній; называетъ (на основаніи письма) книги по церковной исторіи, съ которыми былъ знакомъ Хомяковъ, какъ напр. Флѣри, Неандера, Гѣррера, Мосгейма, Гаазе и проч. (II, стр. 969—970). Целѣзъ не пожалѣть, что ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ проф. Завитневичъ не прослѣдилъ, какъ воспользовался этими книгами Хомяковъ. Отзывы его о нашихъ отечественныхъ богословахъ очень суровы, особенно о Макаріи (Булгаковѣ) (II, стр. 972—973). Тѣмъ интереснѣе было бы прослѣдить способъ пользованія западной богословской литературой, хотя бы въ границахъ его собственныхъ ссылокъ и указаній.

Центральнымъ въ кружковыхъ собраніяхъ былъ вопросъ о церкви, „отношеніе церкви къ обществу и государству, о страданіи, молитвѣ, чудесахъ и проч. (II, стр. 980—981). Наиболѣе авторитетнымъ считалось и было мнѣніе Хомякова. Эти же кружковыя собранія вызвали появленіе нѣкоторыхъ богословскихъ трактатовъ Хомякова. Другимъ лицомъ, хорошо освѣдомленнымъ въ тѣхъ же вопросахъ, былъ Ю. О. Самаринъ, для котораго вопросъ о церкви имѣлъ важное значеніе при написаніи имъ диссертациі о Теофанѣ Прокоповичѣ и Стефанѣ Яворскомъ. Отсюда неизбѣжно возникалъ вопросъ, кто изъ названныхъ славянофиловъ, Хомяковъ или Самаринъ, занималъ въ вопросѣ о церкви положеніе руководителя. Путемъ тщательнаго разбора обстоятельствъ написанія Самаринымъ диссертациі и писемъ послѣдняго проф. Завитневичъ приходитъ къ выводу, что не Самаринъ, а А. С. Хомяковъ содѣйствовалъ православному рѣшенію вопроса о церкви, что Самаринъ съ своей стороны былъ ученикомъ его (II, стр. 1000—1007). Путемъ устныхъ бесѣдъ съ Хомяковымъ и переписки съ нимъ

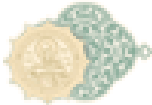

Самаринъ уяснилъ надлежащимъ образомъ и отношеніе философіи къ религіи. Но Хомякову предстояла болѣе широкая задача—водворить истинное понятіе о церкви среди русскаго образованнаго общества. Задачу эту Хомяковъ признавалъ настолько существенной, что отъ усиленнаго исполненія ея, по его мнѣнію, никто изъ могущихъ уклониться не въ правѣ (П, стр. 1034). Такъ явился на свѣтъ его *катехизическій трактатъ*, озаглавленный въ рукописи: „Церковь одна“. Проф. Завитневичъ не касается содержанія этого трактата, очевидно, имѣя въ виду исполнить это позже, а обстоятельно излагаетъ любопытную исторію попытокъ къ его напечатанію. Оказывается, что о напечатаніи этого трактата въ Россіи нечего было и думать. Поэтому Хомяковъ хочетъ напечатать его за границей, въ Германіи, въ надеждѣ, что иѣмцы скорѣе другихъ обратятъ на его книгу вниманіе. Но и это Хомякову не удалось. Такимъ образомъ трактатъ о церкви явился въ печати уже по смерти его (П, стр. 1034—1043). Проф. Завитневичъ въ заключеніе приводитъ отзвымы о книгѣ Хомякова русскихъ богослововъ: А. В. Горскаго и проф. Казанскаго.

„Исповѣданіе“ или трактатъ Хомякова о церкви легло въ основу переписки его съ англичаниномъ Пальмеромъ,—о чемъ идетъ рѣчь въ VIII главѣ второй книги. Изъ писемъ Хомякова къ Пальмеру сохранилось въ настоящее время 12, отъ Пальмера къ Хомякову всего 8 (П, стр. 1052). Переписка эта вызвана была намѣреніемъ Пальмера принять православіе и оказать возможное содѣйствіе къ соединенію англиканской церкви съ православною церковью восточною. Такъ какъ попытки послѣдняго рода были и раньше, то проф. Завитневичъ на основаніи трудовъ Образцова, Булгакова, Михайловскаго и Соколова представляетъ краткую исторію такихъ попытокъ съ указаніемъ основаній, ихъ вызвавшихъ (П, стр. 1053—1059).

Съ дѣлію ближайшаго ознакомленія съ догматическими и обрядовыми особенностями русской церкви Пальмеръ прибылъ въ Россію и, опираясь на рекомендательныя письма англій-

экаго посла при русскомъ дворѣ и президента коллегіи св. Магдалины при Оксфордскомъ университетѣ Мартина Рауса, вошелъ въ сношенія съ выдающимися представителями духовной и свѣтской власти и русскаго общества: Митрополитомъ Филаретомъ, Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода графомъ Протасовымъ, министромъ Муравьевымъ, протопресвитеромъ Кутневичемъ и др. Явившись въ Россію, Пальмеръ заявилъ, что онъ „приходить къ католической, православной, апостольской церкви“, какъ „католическій православный христіанинъ“, а потому просить „права общенія таинствъ“ (II, стр. 1066). На церкви православную и англиканскую Пальмеръ смотрѣлъ, какъ на два совершенно равноправныхъ члена одной вселенской церкви (Ibid.), а потому съ пріѣздомъ въ Россію считалъ для себя обязательнымъ подчиненіе мѣстной юрисдикціи церковной, съ тѣмъ вмѣстѣ считалъ себя въ правѣ на общеніе съ русскою церковію въ таинствахъ (II, стр. 1066—1069). Въ прибавленіи къ символу вѣры Filioque онъ видѣлъ только разность словеснаго выраженія между отцами, писавшими на разныхъ языкахъ (II, стр. 1070), разъясняя въ православномъ духѣ ученіе о пресуществленіи св. даровъ, утверждалъ, что англиканская церковь не отрицаетъ молитвъ за усопшихъ, хотя и выпустила ихъ изъ чина литургіи (II, 1071). Труднѣе было объяснить и согласить съ ученіемъ православной церкви члены (39-ть) англиканскаго исповѣданія. Изъ этихъ членовъ митрополитъ Филаретъ отмѣтилъ Пальмеру слѣд.: XIX, которымъ признается существованіе въ Іерусалимской, Александрійской и Антиохійской церквахъ заблужденія на ряду съ римскою, — XXI, которымъ признается возможность заблужденій въ области вѣры со стороны вселенскихъ соборовъ и XXII, который называетъ выдумкой поклоненіе и почитаніе св. иконъ и мощей и молитвенное призываніе святыхъ (II, стр. 1074—1075). Поэтому Пальмеръ не былъ допущенъ къ общенію таинствъ безъ формальнаго отреченія отъ англиканства.

24 іюля 1841 г. Пальмеръ оставилъ Россію, но не оставилъ намѣренія войти въ общеніе съ православною церковью. Онъ достаетъ „представительную грамоту“ отъ англиканскаго епископа Матфея, который съ своей стороны находитъ „исповѣданіе вѣры“ Пальмера согласнымъ „съ истиннымъ смысломъ апостольскаго символа“ и проситъ епископовъ русской церкви допустить его къ общенію въ таинствахъ. Въ октябрѣ 1842 года грамота была представлена при прошеніи въ Св. Синодъ. Ясно, что и теперь Пальмеръ остается при взглядѣ на англиканскую церковь, какъ на діоцезъ вселенской на ряду съ церковію русской. Но Св. Синодъ теперь, какъ и прежде, остался при взглядѣ, что ни Пальмеръ, ни „церкви британскія не могутъ вступить въ дѣйствительный духовный союзъ съ православною католическою восточною церковью, пока соборно не отвергнуть всѣхъ заблужденій, противныхъ православному исповѣданію вселенскихъ патріарховъ“ (II, стр. 1077—1079). Въ отвѣтъ на опредѣленіе Св. Синода Пальмеръ проситъ назначить исповѣдника, который доказалъ бы ему неправославіе англиканской церкви и указалъ форму перехода его, Пальмера, отъ неправославія къ католической церкви (II, стр. 1080). Такимъ исповѣдникомъ назначенъ былъ протопресвитеръ Кутневичъ. Бесѣды съ послѣднимъ и изученіе извѣстнаго Адама Зерникова по этому вопросу привели Пальмера къ убѣжденію въ истинности православнаго ученія. При всемъ томъ присоединенія къ православію не послѣдовало, въ 1843 г. Пальмеръ оставляетъ Россію и прекращаетъ офіціальные сношенія съ представителями русской церкви (II, стр. 1082—1083).

Но съ этого времени начинаются сношенія съ частными лицами изъ русскихъ и въ первомъ ряду съ А. С. Хомяковымъ. Знакомство съ послѣднимъ у Пальмера началось при посредствѣ извѣстнаго проф. Рѣдкина (II, стр. 1084). Открывается продолжительная переписка, любопытная и важная для освященія личности какъ Пальмера, такъ особенно Хомякова. Содержаніе этой переписки проф. Завитневичъ дѣлитъ на три

вида: 1) на отрывочныя замѣтки біографическаго характера; 2) на разсужденія богословскія и историческія, важныя для изученія богословскаго міровоззрѣнія Хомякова и 3) на сужденія объ условіяхъ соединенія церквей. Въ настоящей части своего труда проф. Завитневичъ подвергаетъ разбору лишь разсужденія послѣдней категоріи. Намъ нѣтъ надобности подробно слѣдить за этимъ разборомъ, обширнымъ и обстоятельнымъ, а достаточно отмѣтить лишь главнѣйшіе пункты, которыхъ касается переписка друзей. Переписка эта дышетъ искренностью, особенно со стороны Хомякова, но съ тѣмъ вмѣстѣ сдержанностью, тщательнымъ обходомъ того, что можетъ оскорбить другого. По справедливому замѣчанію проф. Завитневича переписка носитъ полемическій характеръ, но „эта полемика существенно отличается отъ той, съ какою встрѣчаемся во многихъ старинныхъ литературныхъ состязаніяхъ христіанскаго Востока и Запада“, когда „каждая сторона, ставя своею задачею открыть у противника какъ можно больше заблужденій, старается прежде всего на этихъ заблужденіяхъ построить обвинительный приговоръ“ (II, стр. 1232). Различіе это вытекало какъ изъ школы, полученной полемистами, такъ изъ цѣлей полемики: искренняго желанія достигнуть примиренія путемъ безпристрастнаго разъясненія особенностей православной и англиканской церквей. Поэтому полемика постоянно колеблется между защитою одной и другой церкви и указаніемъ ихъ слабыхъ сторонъ. Была однако существенная разница въ положеніи друзей-полемистовъ: Пальмеръ ищетъ истинную церковь, Хомяковъ знаетъ ее и видитъ единственно въ православіи, въ которомъ родился и воспитался. Не маловажно и то, что переписка началась въ то время, когда Пальмеръ хорошо былъ знакомъ съ православіемъ. Отсюда ясно, что на основаніи переписки Хомякова и Пальмера мы не можемъ возстановить полностью того пути, которымъ послѣдній дошелъ до признанія истиннаго православія. Въ этой перепискѣ поэтому съ наглядностью выступаютъ ко-

нечныя сомнѣнія, въ силу различныхъ причинъ приведшія Пальмера въ лоно римской церкви.

Когда началась разсматриваемая нами переписка, христіанство переживало 19 й вѣкъ своего существованія; но теперь, какъ и въ X вѣкѣ для русскихъ славянъ, были два источника, откуда шель свѣтъ христіанства: Римъ и Востокъ, въ составъ котораго входитъ православная Русь. Пальмеръ искалъ истинную христіанскую церковь искренно, горячо, мучительно переживая всякое свое сомнѣніе, колебаніе. Ему казалось, что кромѣ искренности въ этихъ поискахъ ничего болѣе и не требуется. Хомяковъ понималъ дѣло гораздо глубже и шире. Для него было ясно, что для народовъ Запада, принявшихъ христіанство изъ Рима, и теперь естественнѣе возвращаться въ лоно римской церкви, потому что къ этому съ необходимостію веда исторія этихъ народовъ, правовой порядокъ, условія общественности, развитія образованности и наконецъ то чувство превозношенія, которое послѣдовательно выработалось у народовъ Запада въ отношеніи къ Востоку. Весьма существенно было и то, что Римъ въ дѣлѣ союза церковнаго шель на всякаго рода уступки, подобныя южнорусской уніи, между тѣмъ какъ Востокъ зналъ только полное единеніе въ духѣ любви. Для Пальмера совокупное дѣйствіе этихъ причинъ выяснилось только тогда, когда, искренно и вполне убѣжденный въ вѣроисповѣдномъ превосходствѣ восточной церкви, слѣдомъ за другими онъ принялъ католицизмъ. Въ пору долговременнаго исканія истинной церкви, онъ искренно хочетъ слѣдовать указанію своего ума и сердца и старательно стремится выработать критерій для опредѣленія истинной церкви.

Догматическія разности между православіемъ и католицизмомъ, очевидныя для Пальмера, не требовали со стороны Хомякова усиленныхъ разъясненій. Но и въ этомъ пунктѣ Пальмеръ слышалъ новое освѣщеніе предмета, котораго онъ какъ бы не предчувствовалъ, когда Хомяковъ указывалъ ему, что въ прибавленіи къ символу *Filioque* сказалось прежде

всего самовластіе, нарушеніе вѣковыхъ традицій, пренебреженіе къ своимъ восточнымъ братьямъ по вѣрѣ, составившее потомъ общую черту отношеній Запада Европы къ Востоку (II, стр. 1090—1091). „Нововведеніе было торжественно принято. Для этого не созывали собора и не только не обращались къ восточнымъ епископамъ для испрошенія ихъ согласія, но даже не предупредили ихъ о случившемся... Поступокъ этотъ былъ, конечно, самымъ ужаснымъ преступленіемъ и проявленіемъ самой отвратительной гордости, самаго наглаго презрѣнія“ (II, стр. 1117). И Пальмеръ вполне признаетъ „незаконность и безнравственность того, какъ поступилъ Западъ, когда сдѣлалъ вставку въ символъ“ (II, стр. 1123); но находитъ необходимымъ, въ интересахъ единенія, не обострять отношеній, а всячески содѣйствовать взаимному примиренію (II, стр. 1106—1107).

Но признавая преимущество православія въ сохраненіи догматовъ въ апостольской чистотѣ, Пальмеръ дѣлаетъ упрекъ восточной церкви „въ недостаткѣ христіанскаго рвенія и энергіи, въ явномъ равнодушіи къ дѣлу распространенія истиннаго ученія“ (II, стр. 1110). Нельзя сказать, чтобы защита Хомякова была въ этомъ пунктѣ особенно счастлива. Онъ старается оправдать Грецію и Россію неблагоприятными историческими условіями существованія въ прошломъ, относительно скромностію нашего просвѣщенія. „Что могли бы мы сказать Западу?“ спрашиваетъ онъ. Какую новую вѣсть понесли бы мы туда? Какой новый источникъ знанія открыли бы мы Европѣ и въ особенности Англіи?.. Оксфордъ не такой ли центръ науки, съ которымъ мы соперничать не можемъ? Что же понесли бы къ вамъ наши миссіонеры?“ (II, стр. 1110—1111). Но Пальмеръ видитъ иной источникъ этого равнодушія къ проповѣди своего ученія—внутреннее сознаніе, что „ваша церковь только частная церковь и что не она одна составляетъ церковь католическую и что Западъ, хотя можетъ быть и впавшій въ заблужденіе, тѣмъ не менѣе не отпалъ отъ вѣры кореннымъ

и существеннымъ образомъ“ (II, стр. 1122). „Я утверждаю лично отъ себя“, говоритъ Пальмеръ, „что никогда до сихъ поръ еще не встрѣчалъ ни одного члена восточной церкви, ни свѣтскаго, ни священника, ни епископа, который высказывалъ бы малѣйшій признакъ истиннаго убѣжденія въ томъ, что его церковь одна истинная. Я не встрѣчалъ ни одного, который не призналъ бы, при настоящей постановкѣ вопроса, что римская латинская церковь живетъ истинною церковною жизнью. Я не встрѣчалъ ни одного, который приглашалъ бы меня обратиться, движимый внезапнымъ порывомъ собственной вѣры, а еще менѣе такого, который употреблялъ бы для этой цѣли ревностные доводы или мольбы, какъ это обычно самымъ бѣднымъ и простымъ римскимъ католикамъ“ (II, стр. 1128; см. также 1131). Хомяковъ признаетъ это превосходство ревности Рима въ области пропаганды, но замѣчаетъ, что онъ не можетъ ею восхищаться въ виду того, что эта ревность впадала не рѣдко въ противорѣчіе съ духомъ христіанства, что воодушевленіе это создавало „скорѣе гонителей, чѣмъ мучениковъ“; прибавляетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что православный Востокъ не рѣдко былъ счастливѣе въ успѣхахъ проповѣди, чѣмъ Западъ, какъ напр. при обращеніи славянъ (II, стр. 1140—1141). Второй упрекъ Пальмера восточной церкви—ея готовность единенія съ латинствомъ „на самыхъ снисходительныхъ условіяхъ“, при чемъ дѣлается ссылка на св. Марка Ефесскаго. Этотъ доводъ легко было обратить противъ самого Пальмера,—что Хомяковъ и сдѣлалъ (II, стр. 1142—1143). Третій упрекъ Пальмера восточной церкви—отсутствіе въ ней обрядового единства, какъ напр., существованіе неканоническаго обычая перекрещиванія уже крещенныхъ христіанъ, подобно тому, какъ въ римской церкви существуетъ продажа индульгенцій. Отсюда Пальмеръ дѣлалъ выводъ, что Вселенская церковь можетъ падать временнымъ заблужденіямъ (II, стр. 1144—1145). На это Хомяковъ отвѣчалъ, что перекрещиваніе есть временный и мѣстный обычай, не нарушающій незапятнанной чистоты

Журналы.

Вселенской церкви. Иное дѣло продажа индульгенцій. „Это грѣхъ всей римской церкви, ибо оно не только одобрено непогрѣшимою главою церкви, но прямо имъ указано, отъ него исходило“ (II, стр. 1145—1146). Послѣдній упрекъ Пальмера собственно русской церкви—отсутствіе въ ней свободы и зависимости отъ государства. Греческій народъ отталкиваетъ Пальмера недостаткомъ религіозной жизни, въ русскомъ народѣ наоборотъ есть много такого, что должно привлечь къ нему всякую христіанскую душу: но преобладаніе въ Россіи государства надъ церковію представляется Пальмеру горою, сдвинуть которую ему лично представляется невѣроятнымъ (II, стр. 1192—1194). Хомяковъ подвергаетъ этотъ доводъ обстоятельному разсмотрѣнію.

Пальмеръ принялъ католицизмъ, ссылаясь главнымъ образомъ на требованіе отъ него греческихъ патріарховъ перекрещиванія (II, стр. 1216), но въ дѣйствительности отъ историческаго тяготѣнія Англіи къ Риму, и ближайшимъ образомъ потому, что въ бытность его, Пальмера, въ Римѣ избранный богословъ (о. Пассагліо) неожиданно облегчилъ ему обращеніе, заявивъ, что, *сохраняя свои скорѣе греческія, нежели латинскія убѣжденія* относительно нѣкоторыхъ важныхъ спорныхъ вопросовъ, онъ тѣмъ не менѣе можетъ быть принятъ въ лоно католицизма, если согласится не утверждать ничего противнаго общественнымъ догматамъ римской церкви. Не мало важно было и то, что, по признанію Пальмера, *гораздо пріятнѣе быть на сторонѣ наиболѣе сильнаго, чѣмъ примкнуть къ слабѣйшему* (II, стр. 1238). Такимъ образомъ переписка Хомякова съ Пальмеромъ не имѣла желаннаго успѣха; но и не была безплодна. Пальмеръ писалъ, что письма Хомякова посланы ему какъ бы самимъ Провидѣніемъ и достойны сами по себѣ получить большую степень извѣстности, чѣмъ та, которую они могутъ имѣть прочитанныя только имъ и сложенные въ портфель. Могу прибавить, что не одинъ человекъ, прочитавшій ихъ, признавался мнѣ, что они во многомъ

измѣнили его прежнія предубѣжденія противъ восточной церкви (П, стр. 1158).

Глава девятая второй книги первого тома посвящена разбору французскихъ брошюръ о западныхъ исповѣданіяхъ и богословскихъ трудовъ послѣднихъ лѣтъ жизни Хомякова (П, стр. 1250—1422). Первая брошюра вызвана статьею извѣстнаго Тютчева въ *Revue des deux Mondes* подъ заглавіемъ: „Римскій вопросъ и папство“, на которую послѣдовалъ отвѣтъ Лоранси, издателя *Revue*. Въ этомъ отвѣтѣ Хомяковъ усмотрѣлъ клевету на православную церковь, а потому и не могъ оставить этого отвѣта безъ обличенія. Проф. Завитневичъ съ тѣмъ вмѣстѣ знакомить съ трудностями при напечатаніи этой брошюры (П, стр. 1277—1286). Брошюра имѣла успѣхъ между прочимъ и при русскомъ дворѣ. Вторая брошюра была вызвана окружнымъ посланіемъ парижскаго архіепископа Сибуръ по поводу Севастопольской войны и носила заглавіе: „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“ (П, стр. 1187—1312). Объ этой второй брошюрѣ проф. Завитневичъ замѣчаетъ, что „она служитъ болѣе обстоятельнымъ развитіемъ многихъ вопросовъ, лишь затронутыхъ въ „Исповѣданіи вѣры“ (П, стр. 1308).

Третья французская брошюра была издана въ 1858 году въ Лейпцигѣ Брокгаузомъ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. По поводу разныхъ сочиненій латинскихъ и протестантскихъ о предметахъ вѣры“. Брошюрѣ предпослано письмо къ издателю, въ которомъ опредѣляется основная идея Хомякова о тождествѣ романизма или католичества и протестантизма въ ихъ зародышѣ. Сочиненія, вызвавшія третью брошюру, были: 1) Брошюра неизвѣстнаго, вышедшая въ 1856 г. въ Брюсселѣ: „Нѣсколько малоизвѣстныхъ фактовъ, относящихся къ русской церковной исторіи; 2) Брошюра извѣстнаго іезуита изъ русскихъ, князя Гагарина, вышедшая въ томъ же 1856 году подъ заглавіемъ: „Будетъ ли Россія католической?“ 3) Сочиненіе окатоличив-

шагося грека Падипіоса подъ заглавіемъ; „Восточная церковь“, вышедшее въ Римѣ въ 1855 году; 4) Брошюра Капфа изъ Штутгарда подъ заглавіемъ: „О религіозномъ состояніи евангелической Германіи съ свѣтлой и темной ея стороны“; 5) Рѣчь Стала „О вѣротерпимости съ критикой на нее Бунзена“. Эта разнородность сочиненій, вызвавшихъ третью брошюру Хомякова о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, была причиною разнообразія ея содержанія. Въ виду того, что указанныя брошюры не представляютъ новаго по содержанію, мы не касаемся этого содержанія.

Сверхъ этихъ брошюръ перу Хомякова принадлежать и разбираются проф. Завитневичемъ нѣкоторыя мелкія его сочиненія изъ области богословія и церковной жизни, какъ его статья „О библейскихъ трудахъ Бунзена, письмо къ редактору L' Union chrétienne о значеніи словъ „каеолическій“ и „соборный“, по поводу рѣчи іезуита Гагарина и др.

Въ заключеніе главы проф. Завитневичъ дѣлаетъ по обычаю общій обзоръ богословскихъ трудовъ Хомякова съ указаніемъ ихъ основныхъ положеній и выводовъ. Такимъ образомъ имъ исполнена обширная, предварительная историко-критическая работа, предназначенная служить основой для систематизаціи богословскаго міровоззрѣнія Хомякова.

Таково содержаніе обширнаго труда проф. В. З. Завитневича. Онъ далеко еще не оконченъ, но и напечатаннаго совершенно достаточно для сужденія о тщательности изученія обширныхъ и разнообразныхъ сочиненій Хомякова и о достоинствѣ научныхъ приѣмовъ изслѣдованія и изложенія. Понятнымъ становится и то, почему проф. Завитневичъ предметомъ своего многолѣтняго труда избралъ именно сочиненіе А. С. Хомякова.

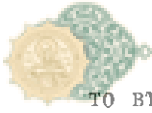
Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на Хомякова, на основы его міровоззрѣнія, на его богословскія, историческія, философскія и другія сочиненія, несомнѣнно, что онъ представляетъ собою личность богато одаренную отъ природы, своеобраз-

ную по своему умственному и нравственному складу. Изучение его сочинений поэтому полезно и поучительно. Помимо общего интереса проф. Завитневича несомненно влекло къ этому изученію и собственное пониманіе прошлаго и настоящаго въ судьбахъ Россіи и западной Европы. Для насъ не можетъ имѣть существеннаго значенія вопросъ, въ какой мѣрѣ это воззрѣніе нашего автора опредѣлилось ранѣе изученія славянофильства вообще и въ частности сочиненій А. С. Хомякова; одно безспорно, что сходство воззрѣній проф. Завитневича съ основными воззрѣніями Хомякова рѣшительнымъ образомъ вліяло на существенныя особенности разбираемаго сочиненія.

Хорошо извѣстно почти неизбежное явленіе, что долгоевременное изученіе какого либо писателя ведетъ къ той или иной степени увлеченія имъ. Увлеченіе это должно увеличиться, если долгоевременное изученіе находитъ себѣ опору въ единствѣ основныхъ воззрѣній изучаемаго и изучающаго. Отсюда возникаютъ достоинства и недостатки трудовъ, являющихся плодомъ такого изученія. Любящее отношеніе къ изучаемому писателю помогаетъ уясненію и болѣе глубокому пониманію многихъ особенностей, способныхъ ускользнуть отъ вниманія при иномъ отношеніи къ дѣлу, но и невольно можетъ закрыть глаза отъ нѣкоторыхъ и даже существенныхъ недочетовъ.

Проф. Завитневичъ изучалъ свой предметъ добросовѣстно и основательно, съ любовію къ дѣлу; въ изложеніи воззрѣній Хомякова онъ не ограничился главными и существенными изъ нихъ, но старался отмѣчать и частности въ развитіи его мыслей. Поэтому получается обстоятельное знакомство съ міровоззрѣніемъ Хомякова въ границахъ исполненной авторомъ работы. Съ цѣлію наиболѣе живого ознакомленія не только съ мышленіемъ, но и слововыраженіемъ Хомякова проф. Завитневичъ старается въ границахъ возможнаго говорить его словами. Пріемъ этотъ цѣлесообразенъ, но мѣстами страдаетъ излишними подробностями выпясокъ. Если принять во вниманіе, что одиѣ и тѣ же мысли Хомякова раскрываются во многихъ его произведеніяхъ;

то въ интересахъ дѣла лучше было-бы сдѣлать собственными словами краткое изложеніе не разъ высказаннаго Хомяковымъ. Только припаятымъ приѣмомъ изложенія слѣдуетъ объяснить, что проф. Завитневичъ напелъ необходимымъ рядомъ съ подробнымъ разборомъ тѣхъ или иныхъ воззрѣній Хомякова представить собственную сжатую формулировку ихъ. И формулировка эта, обычно искусная, дѣйствительно полезна для читателя, особенно если онъ не имѣетъ возможности ознакомиться съ полнымъ собраніемъ сочиненій Хомякова.

Въ свою очередь согласіе проф. Завитневича съ основными началами міровоззрѣнія Хомякова ведетъ къ тому, что мы рѣдко встрѣчаемся въ его книгѣ съ критическими замѣчаніями. Обычный тонъ его рѣчи хвалебный, даже восторженный, не всегда впрочемъ отвѣчающій дѣйствительному положенію дѣла. Онъ напр. защищаетъ лингвистическіе труды Хомякова противъ Гильфердинга, хотя и самъ видитъ ихъ недостатки (I, стр. 570 и слѣд.). Выводы Хомякова не оставляютъ сомнѣнія, что съ научными основами индоевропейской фонетики онъ былъ знакомъ недостаточно. Поэтому нѣкоторые его выводы поражаютъ неожиданностью, напр. о мѣстѣ латинскаго языка въ ряду сѣверныхъ и южныхъ европейскихъ языковъ, или домысль о томъ, что славянскія нарѣчія лежатъ въ основѣ всѣхъ европейскихъ языковъ. Не возможно также согласиться съ проф. Завитневичемъ, когда онъ старается защитить сближеніе Хомяковымъ глаголицы съ чертами и рѣзами Храбра; потому что по точному смыслу послѣдняго свидѣтельства черты и рѣзы не представляли изъ себя алфавита.

Существеннымъ недостаткомъ историческихъ трудовъ Хомякова служить то, что они писались на память, безъ ссылки на источники и пособія, которыми онъ пользовался при ихъ написаніи. При всей колоссальности памяти Хомякова, о которой сохранились современныя свидѣтельства, такой приѣмъ писанія не могъ пройти безнаказанно. Въ этомъ приѣмѣ нужно искать объясненія неточностей хронологія и смѣшенія историческихъ

событій. Хомяковъ напр. говорить, что французъ Ногаре далъ оплеуху папѣ, тогда какъ эту оплеуху далъ папѣ Бонифацію VIII итальянецъ Колонна. Смѣшеніе это не имѣло бы значенія, если бы Хомяковъ не дѣлалъ отсюда весьма существеннаго вывода, что „Франція была представительницей жизни чисто мѣстной и условной, съ адвокатскою сухостію мысли“. Проф. Завитневичъ напрасно видитъ въ этомъ случаѣ бессознательную метаморфозу, совершившуюся подъ влияніемъ поэтического увлеченія (стр. 411—412). Еще важнѣе то, что отсутствіе ссылокъ на источники и пособія лишаетъ изслѣдователя возможности возстановить, въ какой мѣрѣ и съ какими искусствомъ Хомяковъ воспользовался ими, что почерпнуто изъ однихъ и что изъ другихъ. Отсюда же происходитъ то, что изслѣдователь, безъ затраты громаднаго труда, не можетъ прослѣдить, въ какой мѣрѣ Хомяковъ былъ самостоятеленъ въ своихъ выводахъ и въ какой мѣрѣ онъ воспользовался наличностью работъ по исторіи, особенно западноевропейскихъ ученыхъ. Поэтому и проф. Завитневичъ не указываетъ источниковъ сочиненій Хомякова, даже не ставитъ своей задачей попытку это сдѣлать, предоставляя выполненіе этой наиболѣе трудной и необходимой работы послѣдующему времени. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ уклонился отъ такого кропотливаго труда, который значительно облегчился бы, если бы Хомяковъ, требовавшій отъ историка точности и кропотливости, самъ послѣдовалъ примѣру хотя бы того же Соловьева, котораго онъ такъ мало щадилъ въ своей критикѣ. Трудъ этотъ для будущаго историка могъ бы значительно облегчиться, если бы ознакомить науку по крайней мѣрѣ съ библіотекой Хомякова,—въ чемъ повидимому нѣтъ особенной трудности въ виду всегдашней готовности сына оказывать возможное содѣйствіе людямъ, изучающимъ сочиненія его отца. Проф. Завитневичъ и самъ сознаетъ это, но осуществить своего желанія не имѣлъ, очевидно, случая. (См. I, стр. 968 прим.).

Не совсѣмъ понятно, по крайней мѣрѣ для насъ лично,

что проф. Завитневичъ нигдѣ не ставитъ своею задачею установить надлежащую связь воззрѣній славянофиловъ вообще и Хомякова въ частности съ воззрѣніями ихъ близкихъ и отдаленныхъ предшественниковъ, стоявшихъ за самобытное развитіе Россіи и за религиозную основу русскаго просвѣщенія. Сущность дѣла, конечно, не въ томъ, какую клѣтку носили въ то или иное время поборники русскаго самобытнаго просвѣщенія.

Необходимо однако оговориться, что при неоконченности сочиненія трудно говорить о томъ, чего ему не достаетъ, такъ какъ недостающее легко можетъ оказаться впереди.

Еще одно несущественное замѣчаніе. Въ V главѣ, въ которой рѣчь идетъ объ отношеніи славянофиловъ къ западно-европейской образованности, затронутъ вопросъ объ отношеніи Хомякова къ славянству. Намъ думается, что послѣдній вопросъ слѣдовало бы выдѣлить въ особую главу по исключительной важности его въ міровоззрѣніи Хомякова и потому, что послѣдній строго выдѣлялъ славянство изъ остальной Европы. Въ свою очередь сказанное въ III главѣ объ отношеніи Хомякова къ отдѣльнымъ западно-европейскимъ народностямъ, между прочимъ и анализъ письма его объ Англіи, лучше было бы помѣстить во второй половинѣ V главы. Отъ этого, какъ намъ думается, выиграла бы цѣльность изложенія и однородность содержанія.

Настоящія указанія сдѣланы, конечно, не съ цѣлію ослабить безспорныя достоинства труда проф. Завитневича. Первое достоинство его изслѣдованія—самостоятельность. Никто изъ писавшихъ о Хомяковѣ не привлекалъ къ изученію такого обширнаго матеріала, какъ это сдѣлано проф. Завитневичемъ. Поэтому ему пришлось заново не пересмотрѣть, а именно изучить все, дѣйствительно написанное Хомяковымъ, или усвоенное ему: опущенія крайне незначительны. Второе достоинство—полнота изслѣдованія. Предшественники проф. Завитневича обычно разсматривали міровоззрѣніе Хомякова по частямъ, по отдѣльнымъ вопросамъ, по которымъ ему приходилось выска-

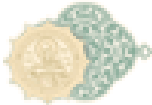
зываются; проф. Завитневичъ старался охватить по возможности всю полноту содержанія мысли этого несомнѣнно выдающагося мыслителя. Благодаря этой полнотѣ задачъ изслѣдованія и изложенія получилась возможность болѣе точнаго знакомства съ такими существенными особенностями міровоззрѣнія Хомякова, какъ отношеніе его къ западно-европейской образованности, къ древней Руси, къ реформѣ Петра Великаго и періоду русской исторіи, слѣдовавшему за этой реформой.

Методъ изслѣдованія въ свою очередь обнаруживаетъ въ авторѣ опытнаго работника въ области науки. Самая специальность его—русская исторія существенно помогла ему разобратъ въ сложномъ матеріалѣ, заключающемся въ сочиненіяхъ Хомякова и освѣтить этотъ матеріалъ при помощи современныхъ выводовъ исторической науки. При разборѣ отдѣльных трактатовъ Хомякова авторъ обычно воспроизводитъ обстоятельства времени и личной жизни Хомякова, при которыхъ тѣ или другіе трактаты писались. Такой приѣмъ существенно помогаетъ выясненію особенностей содержанія и формы сочиненій Хомякова и служитъ для нихъ хорошимъ научнымъ комментариемъ.

Въ виду указанныхъ достоинствъ своихъ сочиненіе проф. В. З. Завитневича вполне заслуживаетъ награды полною премією митрополита Макарія⁴.

Справка: 1. По 2 § Положенія о первой преміи (лит. А) имени преосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго, учрежденной при Киевской Духовной Академіи въ память ея юбілея въ 1869 году, изъ суммы годовыхъ процентовъ съ преміальнаго капитала опредѣляется ежегодная имени митрополита Макарія большая премія въ 800 рублей, которая можетъ быть раздѣлена на двѣ меньшія преміи, въ 400 рублей каждая.

2. Преміи, по 4 § того же Положенія, назначаются за сочиненія по всѣмъ предметамъ академическаго курса, писанныя

какъ въ отвѣтъ на какую либо задачу, предложенную Академіей къ разрѣшенію, такъ и на темы, избранныя самими авторами. Сочиненія на темы по собственному избранію могутъ быть представлены на Макарьевскую юбилейную премію только авторами, принадлежащими къ составу Академіи.

3. Присужденіе преміи, по 18 § того же Положенія, журналомъ Совѣта представляется на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевского.

4. По 20 § того же Положенія, за разсмотрѣніе представленныхъ на соисканіе преміи сочиненій, рецензенты какъ удостоенныхъ, такъ и не удостоенныхъ преміи пли почетнаго отзыва сочиненій вознаграждаются, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, изъ годовичныхъ процентовъ на преміальный капиталъ.

5. По заслушаніи отзыва и обсужденіи дѣла, Совѣтомъ Академіи признано возможнымъ удостоить сочиненіе ординарнаго профессора В. Завитневича большой юбилейной Макарьевской преміи.

Постановили: Сочиненіе ординарнаго профессора В. Завитневича: „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ“ удостоить большой юбилейной имени митрополита Макарія премии въ 800 р., профессору же В. Малинину за рецензированіе означеннаго сочиненія присудить вознагражденіе въ 218 р. 75 к. Настоящее постановленіе представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевского Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи и вознагражденія по принадлежности.

П. Представленіе заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвnickаго отъ 8 сего октября: „Въ „Трудахъ“ Академіи за настоящій годъ напечатано сочиненіе нынѣ окончившаго курсъ

студента Академіи Алексѣя Діанина на тему: „Малороссійское духовенство во второй половинѣ XVIII вѣка (по пунктамъ малороссійскаго духовенства, представленнымъ въ Екатерининскую Комиссію для составленія новаго уложенія)“, рекомендованное для печати профессоромъ священникомъ Теодоромъ Титовымъ и вышедшее отдѣльною брошюрою. Въ сочиненіи использованъ весьма-интересный и важный историческій матеріалъ. На основаніи его, авторъ умѣлою рукою изобразилъ положеніе малороссійскаго духовенства во второй половинѣ XVIII вѣка, поясняя, гдѣ нужно, документъ, послужившій основаніемъ его работы, историческимъ комментариемъ.

Цѣня достоинство работы Діанина, нахожу справедливымъ увѣнчать его сочиненіе Евгеніе-Румянцевской премією, выдаваемою за сочиненія студентамъ по русской исторіи и археологіи, о чемъ честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи“.

Справка: Совѣтомъ Академіи 29 ноября 1896 года было постановлено: образовать изъ годовыхъ процентовъ съ Евгеніе-Румянцевскаго капитала двѣ ежегодно выдаваемыя Евгеніе-Румянцевскія преміи по 200 р. каждую, за кандидатскія сочиненія воспитанниковъ Академіи по русской исторіи и древностямъ, а остальную сумму отъ ежегоднаго дохода выдавать за редактированіе премируемыхъ сочиненій тѣмъ наставникамъ Академіи, къ спеціальности коихъ относятся эти сочиненія.

Постановили: Согласно съ представленіемъ профессора В. Швиницкаго удостоить сочиненіе бывшего воспитанника Академіи Алексѣя Діанина подъ заглавіемъ: „Малороссійское духовенство во второй половинѣ XVIII вѣка (по пунктамъ малороссійскаго духовенства, представленнымъ въ Екатерининскую Комиссію для составленія новаго уложенія)“ Евгеніе-Румянцевской премію въ 200 р., а профессору священнику Ѳ. Титову за редактированіе означеннаго сочиненія при печатаніи его выдать въ вознагражденіе 100 р., о чемъ, примѣни-

тельно къ § 81 б. 12 Уст. дух. акад., представить на утвержде-
ніе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевского Фла-
віана, а по утвержденіи сообщать Правленію Академіи для
зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи и возна-
гражденія по принадлежности.

Ш. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополи-
томъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 31 августа
сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 27 августа 1904 года
за № 8292: „По указу Его Императорскаго Величества,
Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложе-
женіе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 15 августа сего
года за № 64082, по сообщенію Департамента Министерства
Иностранныхъ Дѣлъ о неимѣніи препятствій къ прибытію въ
Россію окончившаго курсъ въ Константинопольской болгарской
духовной семинаріи іеродіакона Евѣимія (Сапунджіева) для
поступленія въ Кіевскую Духовную Академію, 2) представлен-
ное при рапортѣ Преосвященнаго Митрополита С.-Петербург-
скаго, отъ 11 сего августа за № 6820, ходатайство Митропо-
лита Тирскаго и Сидонскаго Мисаила о принятіи арабскаго
уроженца Хабиба Ризига, Константина, окончившаго курсъ въ
Кіево-Софійскомъ духовномъ училищѣ, для продолженія образо-
ванія въ Кіевскую духовную семинарію. Приказали: 1) Разрѣ-
шить Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустить въ установ-
ленномъ порядкѣ къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія
въ Кіевскую Академію окончившаго курсъ учения въ Констан-
тинопольской болгарской духовной семинаріи іеродіакона Евѣи-
мія (Сапунджіева), съ содержаніемъ на стипендію изъ средствъ
болгарской экзархіи, 2) продолжать арабскому уроженцу
Хабибу Ризеку, Константину, въ случаѣ принятія его въ уста-
новленномъ порядкѣ въ Кіевскую духовную семинарію, на-
значенную ему на содержаніе въ Кіево-Софійскомъ духовномъ
училищѣ стипендію на счетъ остатковъ отъ доходовъ съ имѣній

греческихъ монастырей въ Бессарабіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

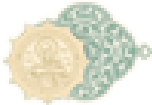
Справка: Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшей на приведенномъ указѣ, копія сего указа отправлена 2 сентября сего года въ Правленіе Киевской духовной семинаріи.

б) Прошенія окончившихъ курсъ Болгарской духовной семинаріи въ Константинополѣ, болгарскихъ уроженцевъ, іеродіаконовъ Евѳимія (Сапунджіева) и Іосифа (Николова) о допущеніи ихъ къ приѣмнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію, отъ 4 сентября сего года, на имя Преосвященнаго Ректора Академіи.

в) Акты приѣмныхъ испытаній окончившихъ курсъ Болгарской духовной семинаріи въ Константинополѣ, болгарскихъ уроженцевъ іеродіаконовъ Евѳимія (Сапунджіева) и Іосифа (Николова) и окончившаго богословское училище въ Софіи, болгарскаго уроженца Иванова Бончо.

Справка: Указами Св. Синода отъ 8 іюля и 12 августа сего года за № № 6698 и 7741 разрѣшено было Совѣту Академіи допустить къ приѣмнымъ испытаніямъ въ началѣ текущаго учебнаго года болгарскихъ уроженцевъ іеродіакона Іосифа (Николова) и Бончо Иванова.

Постановили: Болгарскихъ уроженцевъ іеродіакона Евѳимія (Сапунджіева), іеродіакона Іосифа (Николова) и Бончо Иванова, сдавшихъ приѣмныя испытанія въ Академіи, принять въ число студентовъ Академіи, о чемъ, на основаніи § 81 б. 1 Уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Киевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

IV. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: „По 89 § Уст. дух. акад., журналы Совѣта по дѣламъ, относящимся до учебной дѣятельности Академіи, могутъ быть печатаемы, вполнѣ или въ извлеченіи, съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго. По 17 статьѣ штата дух. акад. назначена и особая сумма на печатаніе журналовъ Совѣта. Въ настоящее время извлеченіе изъ журналовъ Совѣта за 1903—1904 учебный годъ окончено печатаніемъ и канцеляріей Академіи готовится къ печати извлеченіе изъ журналовъ за 1904—1905 учебный годъ. О семъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи“.

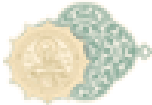
Постановили: Просить Его Высокопреосвященство о разрѣшеніи печатанія журналовъ Совѣта Академіи за 1904—1905 учебный годъ.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 октября 1904 г. Утверждается“.

1904 года 12 октября.

Въ собраніи Совѣта Киевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова, находящагося въ отпускѣ, экстраординарнаго профессора А. Булгакова, не бывшаго въ собраніи по причинѣ болѣзни, ординарнаго профессора В. Завитневича и экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго, не бывшихъ по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающихся ихъ дѣлъ.

Слушали: 1. Предложение Ректора Академіи объ избраніи въ почетные члены Академіи высокопреосвященнаго Іакова, архієпископа Ярославскаго и Ростовскаго, во вниманіе къ его плодотворному архипастырскому служенію церкви и Кіевской Академіи, въ бытность предсѣдателемъ существующаго при Академіи Богоявленскаго Братства, — преосвященнаго Николая, епископа Таврическаго и Симферопольскаго, во вниманіе къ его плодотворному просвѣщенному архипастырскому служенію церкви, — настоятеля русской посольской церкви въ Берлинѣ, протоіерея Алексѣя Петровича Мальцева, во вниманіе къ его выдающейся многоплодной ученой и церковно-общественной дѣятельности, — бывшаго экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи Θεодора Степановича Орнатскаго, во вниманіе къ его двадцатипятилѣтней педагогической и учено-литературной дѣятельности въ Академіи.

Постановили: Соглашаясь съ предложеніемъ преосвященнаго Ректора, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи высокопреосвященнаго Іакова, архієпископа Ярославскаго и Ростовскаго, преосвященнаго Николая, епископа Таврическаго и Симферопольскаго, настоятеля русской посольской церкви въ Берлинѣ, протоіерея Алексѣя Петровича Мальцева и бывшаго экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи Θεодора Степановича Орнатскаго въ званіи почетныхъ членовъ Кіевской Духовной Академіи.

II. Отзывъ о сочиненіи магістра богословія, преосвященнаго Арсенія, епископа Псковскаго и Порховскаго, подъ заглавіемъ: „Исслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви“ (С.-Петербургъ, 1904), представленномъ на степень доктора церковной исторіи.

а) Заслуженного ординарного профессора С. Голубева:

„Учено-литературная дѣятельность преосв. Арсенія началась давно. Еще въ бытность студентомъ нашей Академіи онъ, въ каникулярное время совершивъ двухкратное путешествіе на Аѳонъ, изложилъ свои паломническія наблюденія и впечатлѣнія въ довольно обширномъ „Дневникѣ студента-паломника на Аѳонъ“ (Кіевъ, 1886 г.; оттискъ изъ Трудовъ Кіев. Дух. Академіи), удостоенномъ Совѣтомъ Академіи Макарьевской преміи. За этимъ добрымъ началомъ непрерывною цѣпью слѣдуетъ длинный рядъ произведеній нашего автора. Въ сихъ произведеніяхъ, посвященныхъ выясненію разнообразныхъ богословскихъ и церковно-историческихъ вопросовъ, замѣчается уже явственное тяготѣніе автора, преимущественно, къ изученію прошлаго православной Румынской (Молдо-Валахской) церкви. Наиболѣе цѣнною работою за этотъ періодъ учено-литературной дѣятельности преосв. Арсенія была его обширная магистерская диссертация: „Гавріилъ Банулеско-Бодони, экзархъ Молдо-Влахійскій (1808—1812 г.г.) и митрополитъ Кишиневскій (1813—1821 г.г.). Кишиневъ, 1894 г.“—Для ознакомившихся съ этимъ трудомъ становилось яснымъ, что авторъ прекрасно специализировался въ исторической области Румынской церкви и наша наука вправѣ ожидать отъ него новыхъ и новыхъ трудовъ по предмету его специализаціи. Ожиданія эти весьма успѣшно оправдываются. Представленная преосвященнымъ Арсеніемъ для соисканія ученой степени доктора церковной исторіи книга заключаетъ въ себѣ рядъ капитальныхъ изслѣдованій и монографій по исторіи Молдавской церкви.

Исторія Молдавіи и Валахіи (какъ церковная, такъ и гражданская) очень долгое время почти вовсе не разрабатывалась. Зависѣло это отъ крайне неблагоприятныхъ политическихъ условій, въ какихъ находились эти государства. Но послѣ того какъ Румынія стала королевствомъ, у румынъ явилось сильное стремленіе къ изученію прошлаго своей родины.